

жизнею опричникѣвъ, окружающей обстановки, фигура Скуратова одѣланы превосходно. По мнѣнію Стасова, на этой картинѣ Милота Скуратова представляется такую историческую фигуру, какую не скоро можно сыскать въ числѣ всѣхъ созданий новаго европейскаго искусства. Видѣ Скуратова своею злобою, отупѣвшимъ бездуміемъ поражаютъ зрителя. Посѣтивъ вновь Дрезденъ, Берлинъ, Шварцъ провелъ почти годъ въ Парижѣ, гдѣ онъ работалъ подъ руководствомъ Лефевра, въ мастерскихъ Конта и Жерома и гдѣ встрѣчался съ русскими художниками: Перовымъ, Поповымъ, И. И. Соколовымъ, Ризони, Вородаевскимъ. Вернувшись въ Россію, Шварцъ осень прожилъ въ Москвѣ, продолжая изученіе русскихъ древностей, въ знаніи которыхъ дошелъ до такого совершенства, какъ это удостовѣряетъ К. А. Трутовскій, что могъ во всякое время написать картину изъ русской жизни съ мельчайшими подробностями. Зиму того же года Шварцъ прожилъ въ Петербургѣ, проводя большую часть времени въ спорахъ съ тогдашнею молодежью. Хотя Шварцъ, по словамъ товарищей, Вилли и другихъ, не любилъ вообще разговаривать объ искусствѣ, но иногда высказывалъ, что искусство состоитъ изъ непреодолимою горькаго души, гнетущаго насъ въ данный моментъ, къ изыскающему творчеству, почти involuntary, инстинктивному. Вся послѣдующая работа художника, прибавляетъ Шварцъ, повинуется этому моменту. Шварцъ смотрѣлъ на живопись, какъ на цѣль, а не на средство. Переходя къ русской живописи, Шварцъ высказывалъ мысль, что высшее развитіе искусства у насъ неминуемо послѣдствіе аналитическаго склада русскаго ума, противоположнаго воспріятію изыскаго*). Разбирая собственную работу, Шварцъ находилъ въ ней недостаточно законченными колоритъ своихъ картинъ, и потому, любясь живостью красокъ у Литовченко, Шварцъ для совмѣстной работы поселился вмѣстѣ съ нимъ. Въ то время Литовченко написалъ портретъ Шварца, изобразивъ Шварца, одѣтымъ въ красную рубашу. Этотъ портретъ, по словамъ Стасова, по силѣ колорита не можетъ сравниться ни съ одною рядомъ съ нимъ поставленною картиною**). Къ этому же періоду полной художественной зрѣлости Шварца относятся его картины: *„Вербное воскресенье во время Царя Алексѣя Михайловича“* (1885), за которую Шварцъ получилъ званіе академика живописи и былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ

*) Такое мнѣніе Шварца оспариваетъ Стасовъ, утверждая, что оно опровергается послѣдующимъ ходомъ русскаго искусства. Русская народность, говоритъ Стасовъ, сохраняясь въ насъ въ искусствѣ, и никогда складъ русскаго ума не помѣшала творчеству многочисленнымъ русскимъ талантамъ, проявить ту тенденціозность, ту замкнутость, содержащая рисунокъ, безъ которой художественное произведеніе, по мнѣнію Стасова, не имѣетъ значенія.

**) Портретъ этотъ находится въ Третьяковской галлерей, каталогъ 1910 г. № 736.